

К вопросу о «скрытых» и «полускрытых» грамматических категориях (на материале чукотско-корякских языков)

А . П . В о л о д и н

(Институт лингвистических исследований)

О «скрытых» категориях писали многие. С.Д.Кацнельсон суммировал эти высказывания следующими словами: «Не каждая грамматическая категория получает прямое и непосредственное выражение в грамматических формах данного языка. Многие грамматические категории оказываются, с такой точки зрения, запрятыми в значениях слов и синтаксических связях слов в предложении» [Кацнельсон 1972: 82]. Несколько ниже [там же: 83] читаем: «Если скрытые категории, как иногда говорят, «угадываются из контекста», то только потому, что в контексте содержатся достаточно четкие и недвусмысленные указания на этот счет. Не лексические значения и синтаксические связи сами по себе, а грамматически оформленные и сочетающиеся в предложении словесные знаки являются выразителями скрытых категорий» (выделено мною — А. В.). Но в последнем случае, как мне представляется, точнее было бы говорить не о «скрытых», а о «полускрытых» грамматических категориях. Постараюсь показать это на материале чукотско-корякских языков.

Эти языки (чукотский, корякский, алыторский, керекский) являются близкородственными. Самой существенной структурной особенностью корякских языков (в противопоставление чукотскому) является тройственная система числа: Sg — Du — Pl (в чукотском: Sg — Pl), что, по мнению некоторых специалистов, представляет собой инновацию. Но это обстоятельство не влияет на дальнейшее изложение — все, что говорится о чукотском языке, справедливо для всех четырех языков чукотско-корякской семьи.

Речь пойдет о категории определенности/неопределенности, которая в описании чукотского не выделяется [Скорик 1961], зато выделяется в описании корякского языка [Жукова 1972]. Но это вовсе не значит, что в чукотском языке ее нет.

Показателем Pl в чукотском является суффикс =t (с алломорфами), который фиксируется как у имен (jaga=ɲə «дом» — jaga=t «дома»), так и у глаголов в ЗPl (ɕejwə=gkə=p «ходит=он» — ɕejwə=gkə=t «ходят=они», tə=ʔu=p «я=увидел=его» — tə=ʔu=pe=t «я=увидел=их») и у предикативов (p=egme=qin=∅ «сильный он» — p=egme=qine=t «сильные они»).

Наряду с суффиксом =t обнаруживается материально иной показатель Pl — у личных местоимений, ср. чук.:

үәм	«я»	ми=ги	«мы»
үәт	«ты»	ту=ги	«вы»
әт он	«он»	әт=ри	«мы»

Этот морфологический сегмент никогда раньше не выделялся как показатель P1 (в корякских языках он маркирует Du — в алютор. =gi, в коряк. и керек. — =ji). Между тем он фиксируется в формах «первопадежа»: мо=гә=k «наш, у нас», то=гә=k «ваш, у вас», ә=гә=k «их, у них» — и затем в формах эргативного падежа личных местоимений: мо=гүә=пап (<могәк=пап) «мы», то=гүә=пап «вы» и т. д. [Богораз 1934: 27]. Это касается только форм P1, ср. үәм=пап «я», үә=пап «ты», ә=пап «он» (Erg.). Далее, морфологические сегменты =па и =гә=k фиксируются в эргативном падеже ед. и мн. числа у имен:

җав?е ?о=па	ине=пәү?ек=w?и
Тетка (родная)	меня=разбудила=она
җав?е ?о=гәк	пе=пәү?еw=үәм
Тетки (родные)	они=разбудили=меня

Таким образом, различается мн. число =t, которое должно быть квалифицировано как *неопределенное*, и =ги/=гүә/=гәк — *определенное*. Личные местоимения обладают наивысшей степенью определенности сравнительно с именами (существительными), почему они и маркированы в P1 именно этими показателями. Еще одно доказательство в пользу этого — словоформы с количественной семантикой («числительные»): число — всегда определено. Ср. чукотск. предикативные формы мн. числа:

tumүә=muri «товарищи=мы»	җire=muri «двое-мы»
tumүә=turi «товарищи=вы»	җire=turi «двое-вы»
tumүә=t «товарищи=они»	җire=gүeri «двое-они»

Между тем, поскольку имена могут быть как определенные, так и неопределенные, в чукотско-корякских языках имеется и неопределенная форма эргативного падежа (совмещенного с инструменталисом); эта форма безразлична к числу, ср. чук. tumүә=e «товарищ/товарищи» (Erg.). Как и во всех косвенных (маркированных) падежах, число актанта определяется контекстом.

Итак, определенность можно квалифицировать как категорию «полускрытую». Определенность маркируется по числу (=па/=гәк с алломорфами), неопределенность не маркируется. Число в сфере неопределенности (\emptyset /=t) занимает иную позицию в линейной

цепочке словоформы сравнительно с определенностью, в одной словоформе они не совместимы, поэтому существует дискуссия о том, число ли выражают формы, квалифицируемые как формы определенности [Жукова 1972: 92]: предлагается различать противопоставление «единичное лицо/совокупность лиц». Я склонен считать, что речь идет об одной категории — а именно категории числа, но она маркируется по-разному для имен определенных и неопределенных. Обязательными показателями определенности являются для личных местоимений, числительных в предикативной (и в актантной) позиции, а также для имен собственных, в том числе для кличек животных.

Сказанное выше подтверждается данными позиционного анализа. В чукотско-корякских языках словоформы класса N (именные) представлены тремя минимальными моделями [Володин 2000: 42]:

1. R + Num	}	сфера неопределенности
2. R + Cas		
3. R + Def + Cas		сфера определенности
- Нотация: R — корень, Num — число,
Def — определенность, Cas — падеж.

В качестве «скрытой» категории чукотско-корякских языков можно назвать категорию рода (класса), которая реализуется в противопоставлении «человек/не человек», ибо имена, означающие не человека, показателей определенности не принимают никогда. Это касается и животных, в противном случае пришлось бы говорить о противопоставлении «одушевленный/неодушевленный». Вопросительные местоимения чукотско-корякских языков подтверждают противопоставление «человек/не человек».

Литература

- Кацнельсон С.Д.* Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
- Скорик П.Я.* Грамматика чукотского языка. Ч. I. М.; Л., 1961.
- Жукова А.Н.* Грамматика корякского языка. Л., 1972.
- Богораз В.Г.* Луораветланский (чукотский) язык // Языки и письменность народов Севера. Ч. III. Л., 1934.
- Володин А.П.* Общие принципы развития грамматической системы чукотско-корякских языков // Язык и речевая деятельность. 2000. Вып.3. Ч.1.